

1. Строка в 22 знака: Ночь стонуши ему грозою птицъ
2. Строка в 26 знаков: убуди. Свистъ зверинь вѣста, зби.¹
3. Строка в 21 знак: Дивъ кличь врѣху древа.

Но слово „зби“ могло стоять в рукописи Мусина-Пушкина как в конце второй строки, так и в начале третьей. В последнем случае знаки распределялись в оригинале построчно таким образом:

1. Строка в 22 знака: Ночь стонуши ему грозою, птицъ
2. Строка в 23 знака: убуди. Свистъ зверинь вѣста,
3. Строка в 24 знака: зби. Дивъ кличь врѣху древа.

И та и другая схема одинаково возможны в этой части поэмы, так как дают сравнительно равномерное распределение знаков по строкам. Однако, повидимому, будет правильнее принимать первый вариант, так как он яснее показывает, как слово „зри“, написанное первоначально на поле, механически было включено одним из переписчиков в самый текст. Мы видим, что после вставки пропущенных слов текст Екатерининской копии увеличился на одну строку; следовательно, мы должны, повидимому, считать в оригинале „Слова о полку Игореве“ не 495 строк, как показывает Екатерининский список, а 496. Поэтому и предполагаемую начальную страницу текста надо полагать не в 10, а в 11 строк.

Для характеристики Екатерининской копии важно знать, с чего списывал писец² — с самого оригинала конца XV—начала XVI века, т. е. непосредственно с Мусин-Пушкинского сборника, или уже со списка, изготовленного под наблюдением и по указаниям А. И. Мусина-Пушкина. Всего вероятнее последнее, ибо если бы даже самый опытный писец XVIII века стал копировать рукопись XV—XVI века с таким необычным текстом, то, с одной стороны, он дал бы больше неверных чтений и неправильных делений на слова, а с другой стороны, опытный писец проще и правильнее раскрыл бы ряд сокращений и учел бы ряд выносных знаков, пропущенных Мусиным-Пушкиным.³

Однако, допустив, что писец списывал не прямо с подлинника, надо предположить, что и собственный список Мусина-Пушкина был сделан если не вполне лист в лист, то несомненно строка в строку с подлинной рукописью XV—XVI века и что он имел также 495 строк, с пропуском указанного неясного места „зби“, восстановленного затем в первом издании Малиновским. Возможно, что писцу Екатерининской копии было указано или дано в образец постраничное деление „Слова о полку Игореве“, но от него не требовалось точного соблюдения этих границ при списывании, поэтому они и сохранены лишь в основном. Что же касается построчного распределения текста, то тут, очевидно, Мусин-Пушкин определенно указал на необходимость точно следовать данному им оригиналу. В письме Екатерининской копии есть одна особенность, которая подтверждает это предположение. Как уже сказано, Екатерининская копия включает кроме текста и перевода еще так называемое „содержание“ поэмы, писанное тем же почерком, и затем „примечания“ более мелкого, убористого письма. Но и в содержании и в примечаниях соблюдается раз принятый размер букв и даются одинаковые между ними интервалы. Между тем, в письме са-

¹ Как уже указано, слово „зби“, повидимому, означает „зри“. Предположение это, высказанное впервые Н. С. Тихонравовым, принимали позднее В. Н. Щепкин и А. С. Орлов.

² Считают, что копия писана рукой постоянного писца бумаг Екатерины II (см. издание П. П. Симони: „Древности“, Труды Археолог. общ., т. XIII, вып. 2, М., 1890).

³ Ср., например, у Мусина-Пушкина: „пѣснѣ“ вместо „пѣснь“, „бы“ вместо „бысть“ и т. п.